РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

Мы хотим рассказать, что рак излечим

1 июня в театре «Современник» будет благотворительный концерт в пользу детей, больных раком крови. Называться он будет «Подари мне жизнь». Организовывают этот концерт артистки ЧУЛПАН ХАМАТОВА и ДИНА КОРЗУН. Они собрали много хороших артистов и просто много хороших людей. А теперь рассказывают, зачем им это нужно.

Наверное, чтобы заняться вдруг благотворительностью и начать думать, как там живут больные раком крови дети и как им можно помочь, проблема эта должна коснуться человека лично. И она нас коснулась. Не дай бог, конечно, никому такого опыта, но когда начинаешь ходить в отделение детской онкогематологии, знакомишься с врачами, с детьми, с родителями больных детей и с проблемой, то желание помочь приходит как-то само собой. Это естественное желание. Достаточно просто отделаться от суеверного страха, который обычно люди испытывают от самого слова «рак», и само собой приходит желание спасти ребенка. Ну неужели кто-нибудь откажется спасти ребенка, особенно если знает, что его можно спасти, и знает, как его спасти? На самом деле каждый человек может. Просто прохожий может зайти и сдать кровь, потому что донорская кровь детям с диагнозом «рак» нужна всегда. Государственный человек может выстроить систему помощи больным детям. Богатый человек может выстроить современный онкогематологический центр, которого, кстати, нет в России, такого, чтоб отвечал современным стандартам. А мы можем выйти на сцену. По крайней мере, привлечь внимание людей к проблеме, донести до нашего зрителя, что главное — больного ребенка не бросать, помогать ему, и он тогда выздоровеет, а не умрет, как принято думать. Нам очень хочется, чтобы концерт был, во-первых, хороший, а во-вторых, позитивный, потому что сама история про детский рак позитивная, обнадеживающая, и не надо ее бояться.

Если дети умирают от рака, то не потому, что рак неизлечим. Рак — излечим. Это опасное, тяжелое, но излечимое заболевание. Просто в России все еще не получается лечить детей как следует.

Десять лет назад в России выживало 5% детей, заболевших раком. В Америке и Европе тем временем выживало 70%. Теперь, когда в России освоены современные технологии лечения, 50%, половина заболевших раком детей выживает. А в Америке и Европе — 80%. Мы, конечно, сделали большой шаг вперед, но все равно отстаем на 30%.

Каждый год в России пять тысяч детей заболевают раком. Из них 50% — две с половиной тысячи детей — выживают благодаря современному лечению. А еще 30% — полторы тысячи детей — могли бы выжить, но умирают, потому что им не хватает лекарств и оборудования, современных клиник и квалифицированных специалистов, донорского костного мозга и донорской крови. Почти все это можно было бы купить за деньги. Каждый год в России полторы тысячи детей могли бы выжить, но умирают просто потому, что у нас не хватило на них денег. В Беслане погибло 186 детей. Это почти десять Бесланов каждый год. Просто потому, что не хватает денег на лечение.

Достаточно просто перестать бояться думать про детский рак, и возникает сразу множество вопросов. Почему, например, в России нет ни одного современного онкогематологического центра и только три клиники делают пересадку костного мозга, а в Германии — 90 клиник? Почему в России нет банка донорского костного мозга и только 10% детей, больных раком крови и нуждающихся в трансплантации, получают возможность сделать эту тяжелую операцию? Почему стерильных боксов, где производится трансплантация костного мозга, в наших больницах почти вдвое меньше, чем требуется детям, которым необходима трансплантация? Как это так получилось, что врачи вынуждены отказывать детям в операции, которая детям необходима, или ставить детей на очередь, а очереди надо ждать чуть ли не год, и не всякий ребенок доживет до своей очереди. Почему раньше ребенок, больной лейкозом, из любого города мог долететь с мамой до Москвы, а теперь, после монетизации льгот, всякий ли может купить два авиабилета Хабаровск—Москва, например? Почему матери больных детей, нуждающихся в ежедневном переливании облученной донорской крови, ездят из Института детской гематологии с пакетами донорской крови через всю Москву, чтоб облучать кровь? Почему в институте нет аппарата для облучения крови? Он стоит $200 тыс. Как автомобиль, на котором ездит любой правительственный чиновник и любой уважающий себя руководитель крупной компании.

Организуя концерт, мы звонили разным людям и почти никогда не получали отказов. Наши друзья-артисты отменяли ради этого концерта дела, поездки, спектакли. Очень трогательно было, например, когда мы обсуждали с Олегом Павловичем Табаковым его номер в концерте. Олег Павлович сказал, что надо выйти на сцену и дать денег — вот это был бы номер. Мы встречались с богатыми людьми, с бизнесменами, и они говорили, что хорошо, конечно, собрать $200 тыс. на аппарат для облучения крови, но лучше бы концерт наш стал началом амбициозного и масштабного проекта помощи детям и чтобы целью проекта было строительство современного онкогематологического центра.

Мы, к сожалению, не умеем составлять бизнес-планов, но мы верим, что нет на земле человека, который отказался бы спасти полторы тысячи детей, если бы знал, что может спасти их. Мы думаем, что люди государства и бизнеса находятся в плену предрассудков и устаревших мрачных мифов, которыми овеяно слово «рак». Мы думаем, что государственное финансирование и благотворительность в сфере детской онкологии так скудны просто потому, что люди не знают, что рак излечим, боятся думать про рак, считают это слишком печальным делом.

Мы хотим рассказать, что рак излечим. Мы хотим рассказать, что организм ребенка способен выдержать тяжелое лечение, которое зачастую не может выдержать взрослый. Мы хотим на этом концерте рассказать про детей, которые болели раком и выздоровели. И познакомить вас с этими детьми.

Мы будем очень стараться.

Сорок пять капель в минуту

Родители больных детей заменяют собой медицинское оборудование

Когда больному раком ребенку проводят химиотерапию, ребенок нуждается в жидкости, чтобы не забились печень и почки и не наступила смерть. Жидкость вводят через капельницу из расчета три литра в день на квадратный метр поверхности тела. Лекарства рассчитывают в микрограммах на килограмм веса в минуту. Жидкость и лекарства должны отмерять специальные аппараты, называемые перфузорами и инфузоматами. Но в детском онкологическом отделении Архангельской областной больницы нет перфузоров и инфузоматов. По нескольку суток или по нескольку недель подряд родители больных детей сидят и считают, сколько капель упало в капельнице.

Не надо спрашивать, что будет с Кариной, если Игорь собьется со счета. И как он будет потом жить, после этой маленькой арифметической ошибки ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕКАЯ

Девочке Карине девять лет. У нее дедушка доктор, и, может быть, поэтому в семье рано обратили внимание, что девочка быстро утомляется, что она бледная и что у нее синяки. Обычно острый лимфобластный лейкоз не распознают на таких ранних стадиях, и анализ крови делают, когда появляются уже грозные симптомы вроде высокой температуры, опухолей или необъяснимых переломов. Тем более если девочка живет в Лешуконском районе Архангельской области, куда зимой от Архангельска двенадцать часов надо ехать на машине по зимнику, летом можно доплыть по большой воде, а весной вообще не доберешься иначе как дважды в неделю на самолете Ан-24.

Заведующему отделением химиотерапии Ивану Турабову позвонили из Лешуконской больницы в прошлый понедельник. Сказали, что вот у них есть ребенок с лейкозом и что они знают: такого ребенка надо везти в онкогематологическое отделение как можно быстрее, потому что случается на северах, да и в Москве случается, что ребенка не успевают довезти до больницы. Врачи в Лешуконском районе знали, что Карину надо везти срочно, но не могли отправить девочку в Архангельск раньше среды, потому что ближайший самолет в среду.

Папа Карины Игорь, которого если спросишь, кто он, отвечает, что он тракторист, потому, видимо, стесняется говорить, что он безработный (потому и поехал с дочкой он, а не мама), бегал тем временем по поселку и искал деньги, потому что у него не было денег на самолет, чтобы срочно везти больную девочку в Архангельск. Наконец деньги собрали: отчасти по знакомым, отчасти дал сельсовет, и Карину в Архангельск привезли.

Она говорит, что летела на очень-очень большом самолете. А Игорь говорит, что девочка летела первый раз в жизни и поэтому думает, будто Ан-24 — очень-очень большой самолет. Карина пишет письмо домой: «Дорогие мама, бабушка и дедушка, это пишу вам я, Карина. У меня все хорошо. Мне ставят капельницу в левую руку, а завтра будут ставить в правую, и поэтому следующее письмо я буду писать вам левой рукой». Она пишет, сидя за столиком у окна в палате, а отец стоит у нее за спиной, расчесывает и заплетает в хвостик ее белые волосы, которые выпадут скоро от химиотерапии, и смотрит то на капельницу, то на секундную стрелку часов.

Врач рассчитал, что Карина должна получать два с половиной литра жидкости в день, причем равномерно. Это значит, что в капельнице должно падать сорок пять капель в минуту. Игорь считает. Прошла минута. Капель упало сорок пять. Но стоит девочке пошевелиться или повернуться, изменив положение руки, жидкость в капельнице может начать течь быстрее (и тогда девочке грозит смерть от почечной недостаточности) или медленнее (и тогда девочке грозит смерть от отека головного мозга или отека легких). Каждые десять-пятнадцать минут Игорь должен подойти к капельнице и посчитать, сколько там падает в минуту капель. Он должен делать это днем и ночью. Ночью, чтобы Игорь поспал хоть немного, капли приходит считать медсестра, но она одна на десять больных детей.

Доктор Иван Турабов говорит, что у Карины лейкоз распознали на ранней стадии, состояние у нее пока не тяжелое. Ей вливают всего два с половиной литра жидкости в день, и поэтому скорость падения капель в капельнице можно считать приблизительно. Но тяжелым детям вливают и по пять, и по шесть литров в день. И тут ошибаться нельзя, и надо считать буквально все капли. Доктор говорит, что несколько месяцев назад один влюбленный в дочку папа две недели просидел, не смыкая глаз, и все считал капли, и выходил только в уборную, когда его сменяла медсестра.

— У нас тут удивительное дело,— говорит доктор.— У нас практически не бывает грибковых инфекций.

— Как это не бывает? — переспрашиваю я, зная, что всякое онкогематологическое отделение в России только и делает, что борется с грибком, и дети умирают в основном от грибка.

— Вот так, нету, тьфу-тьфу-тьфу,— доктор стучит по дереву.— Грибок живет в основном в верхнем слое почвы и разлетается с пылью. А у нас на севере верхний слой почвы так промерзает за зиму, что грибок погибает.

— Это же счастье, что у вас нет грибка.

— Да,— говорит доктор,— счастье. Только у нас и инфузоматов тоже нет.

Я киваю головой в том смысле, что если купить архангельской больнице инфузоматы и перфузоры, то это, конечно, очень облегчит родителям уход за детьми.

— Дело не в родителях,— говорит доктор.— Родителям, конечно, трудно не спать ночами и считать капельки. Но дело не в том, что родителям трудно. Они иногда сбиваются со счета.

И не надо спрашивать, что будет с Кариной, если Игорь собьется со счета. И как потом он всю жизнь будет жить, совершив эту маленькую арифметическую ошибку.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Спасти архангельских онкобольных детей помогут $7345

Отделение химиотерапии в областной детской больнице Архангельска существует уже пятый год, но так и не смогло обзавестись инфузионными насосами. Более того, как сообщил заведующий отделением доктор медицинских наук Иван Турабов, «их приобретение из госбюджетных средств не планируется по причине недостаточного финансирования».

Ежегодно через это отделение проходит до 40 первичных пациентов. Здесь им оказывают помощь по наиболее эффективным мировым терапевтическим протоколам. Это высокодозная терапия, она дает реальные шансы полного выздоровления онкогематологических больных. Однако без поддержания строго постоянной скорости введения химпрепаратов вся терапия идет насмарку. Даже кратковременное уменьшение скорости ведет к резкому росту токсичности препарата. А ее незначительное увеличение — к непосильной нагрузке на сердце и сосуды ребенка.

Оптимально, утверждает Иван Александрович, надо бы иметь на его отделение по шесть инфузоматов и перфузоров. Вместе с годовым комплектом специальных расходных материалов (капельницами и шприцами различных объемов) такой набор обошелся бы в $37 695. А минимально надо хотя бы по три инфузомата и перфузора. С годовым комплектом расходников этот минимум обойдется в $18 845.

Внимание! Компания «Ингосстрах», как всегда, вкладывает $11 500 (подробности на сайте РФП www.rusfond.ru). Таким образом, недостает как минимум $7345. Петербургский поставщик любезно согласился зачислять на выставленный архангелогородцам счет дробные пожертвования. Так что с благодарностью будут приняты любые взносы.

Счет на оборудование и реквизиты поставщика есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Оля Галушко, 12 лет, врожденный сколиоз IV степени, спасет срочная операция в Новосибирском НИИТО. 164 705 руб.

Мы и не подозревали, что наша Олечка больна, и врачи не замечали. А на пятом году я забеспокоилась, настояла на обследовании и с ужасом узнала, что у Оли правосторонний грудопоясничный сколиоз IV степени на почве множественных аномалий в развитии позвонков и ребер. Лечение в Иванове не помогло. Нас направили в Петербург, но там сказали, что нам в России вообще вряд ли кто поможет. Мы объехали полстраны, везде одно и то же: «риск велик, много аномалий». Оля плохо растет, вечно в слезах: ее дразнят! Искривление прогрессирует, захватило левую сторону. Страдают все внутренние органы, и девочке грозит паралич. И вот узнаем, что в Новосибирске чудеса творят. Лишь там я впервые услыхала: «Можно помочь». Я так долго мечтала об этих словах, что разрыдалась. Увидела счет — и сердце остановилось. Мы с мужем на заводе (оба рабочие) получаем 9 тыс. руб. на четверых (у нас еще сын-первоклассник), живем в послевоенном бараке. Где же взять такие деньги? *Любовь Галушко, Ивановская область*

Завотделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Оле только 12 лет, а деформация позвоночника уже достигла 90 градусов. Оперировать надо сейчас, пока не наступило половое созревание. Иначе ее совсем скрутит».

Ира Бояринцева, 4 года, врожденный порок сердца, спасет операция в Томском кардиоцентре. 186 600 руб.

Внимание! $2500 внес благотворительный фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США, подробности на сайте rusfond.ru). Не хватает 116 450 руб.

Наша вторая дочка Ирина (Алиса на два года старше) родилась с дефектом межжелудочковой перегородки. Объездили все больницы Восточной Сибири. Нам говорили: неизбежна операция на открытом сердце, но девочка так слаба, что риск слишком велик. Ире нельзя бегать и даже плакать — задыхается. Шум в груди такой, что сердца не слышно. Она не выдержит многочасовой операции с общим наркозом и остановкой сердца! Мы узнали, что в Томске делают бескровные операции, без разреза груди и общего наркоза, при помощи окклюдера («заплатки»). Еще год назад томичи готовились принять нас, но на импортную «заплатку» надо 186 600 руб. Я инженер-электронщик. Чтоб заработать на операцию, стал предпринимателем, но не получилось. Работаю за 1 тыс. руб. и срочно ищу другую работу. А врачи торопят. Не зная иного выхода, пишу вам. Выручайте! *Андрей Бояринцев, Красноярский край*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «Это еще начальная стадия порока: гипербулимия малого круга кровообращения. Надеюсь, эндоваскулярное закрытие дефекта даст хороший результат».

Степа Соин, 11 лет, тугоухость IV степени, необходимы цифровые слуховые аппараты. 80 280 руб.

Степе очень нужны сильные слуховые аппараты, но их стоимость так высока, что я совсем растерялась. Работая рентгенологом в больнице на две ставки, получаю 8 тыс. руб. С мужем в разводе, он платит за учебу сына в лицее с углубленным изучением английского языка. Степа очень талантлив, он непременный участник многих олимпиад. Взахлеб читает научно-популярную литературу и постоянно что-то изобретает. Занимается в художественной школе, только что его рисунки отобрали на выставку в Германию. Но Степа сейчас не усваивает информацию из-за старых слуховых аппаратов. С письменными заданиями проблем нет, а вот с устными беда. Произношение резко портится. Слух сын потерял в три года после гриппа. Мы много занимались, и говорил он хорошо, но теперь все труднее общаться с людьми. К великому стыду, я не могу купить сыну хорошие аппараты, хотя от них зависит его будущее. *Елена Соина, Калужская область*

Директор сурдоцентра «Отофон» Ольга Смирнова (Москва): «Редчайший случай: ребенок с большой потерей слуха обогнал сверстников в интеллектуальном развитии, говорит литературным языком. Старые аппараты надо срочно менять. Это обеспечит полноценное развитие и устранит психологические проблемы».

Апалихинская сельская школа остро нуждается в учебных пособиях, книгах, мебели и спортинвентаре. 143 303 руб.

У нас учатся 90 ребят из двух сел и 14 детей в дошкольной группе, поскольку детсада в округе нет. За 25 лет ни разу не обновлялась мебель, хотя и полагается менять раз в пять лет. Сидим на скамейках. Библиотека пуста, ни справочников, ни энциклопедий. В рамках президентской программы нам выделили 97 художественных книг, и все по экземпляру. До райцентра 45 км, да ведь и там мало что есть. А видели бы вы, какие карты мы вывешиваем к урокам географии и истории — лохмотья выпуска 1952 и 1961 годов! Так что у нас все еще СССР и Африка в колониях. Нет инструментов для кабинета труда, нет мебели и спортинвентаря. У нас очень старательные дети, а прогульщиков и второгодников нет. Горько, что по бедности мы не можем учить их так, как они того заслуживают. *Анатолий Евсеев, директор, Саратовская область*

Инспектор РОНО Елизавета Гутко: «Мы отремонтировали школу, но с пособиями и мебелью беда. А Евсеев молодец. Никто из его учеников не состоит на учете в милиции, и успеваемость хорошая».

Андрей Полукариков, 3 года, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение в Институте медтехнологий. 155 500 руб.

Это единственный мой ребенок, я родила в 45 лет. Андрюша родился восьмимесячным, в асфиксии, пуповина в узел завязалась. Лежал в позе эмбриона, ножки сведены. Диагноз: ДЦП и атрофия зрительного нерва. Больница сделала все, что могла, и мы поехали в Институт медтехнологий. Врачи удивились: ожидали, что это «овощ», а оказалось — перспективен! Мозг сохранен, но есть пораженные участки. И после лечения Андрюша сможет пойти в школу! После трех курсов он четко произносит звуки, делает несколько шагов, реагирует на слова. Интервал между курсами не должен превышать трех месяцев, последний был в апреле. Все, что было у нас и у родни, ушло на лечение. Работаю одна, инженером на заводе получаю 2500 руб. Муж 15 лет на инвалидности с глаукомой обоих глаз, слепнет. Живем в общежитии, доход 1631 руб. на душу, ниже прожиточного минимума. Очень прошу, помогите оплатить еще четыре курса! Просто не на кого опереться. *Валентина Полукарикова, Липецкая область*

Замдиректора Института медтехнологий Ольга Рымарева (Москва): «Динамика очень хорошая! Мальчик даже не сидел, а теперь ходит с поддержкой, пошло умственное развитие. Атрофия зрительного нерва не грубая, мы снимем ее. Андрей сможет ходить, говорить, обучаться. Помогите ему».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Приемная семья Эрштейн пока без дома

Уважаемые друзья! У нас прокол. Впервые за восемь лет газетных публикаций фонда не удалось собрать необходимую сумму для главного героя страницы РФП. Точнее, героини и ее необычного семейства. 22 апреля этого года специальный корреспондент „Ъ“ Валерий Панюшкин в репортаже «Дети разных народов» рассказал о Людмиле Эрштейн и ее приемных детях. Так случилось, что эта семья из Калининградской области не имеет собственного жилья. Дом для нее обойдется в $22 тыс. Удалось собрать только $18 750.

Новоселье семьи Эрштейн пока отложено, и еще не ясно, надолго ли ФОТО АНДРЕЯ ВЫПОЛЗОВА

Напомню, Людмила и Александр Эрштейн, беженцы из Бишкека, арендуют двухкомнатный домик за 500 руб. в поселке Черемухово в 50 км от Калининграда. Они приехали на новую родину еще 12 лет назад с собственными дочерью и сыном. Мальчик вскоре умер от посттравматического менингита. А с дочерью все в порядке, уехала учиться в Калининградском университете. И тогда Людмила и Александр взяли на воспитание трех сирот из детдома. Местные органы опеки высоко отзываются об этом семействе. Сейчас Эрштейны присмотрели еще двух сирот, но тут уж власть развела руками: нужна нормальная жилплощадь. Когда Людмила обратилась в РФП с просьбой помочь приобрести дом, мы в редакции подумали, что эта просьба будет близка читателям. Возможно, мы ошиблись. А может, виной всему долгие майские праздники, и эта история просто не попала вам на глаза. Сейчас не хватает $3250. Так что прокол крупный — собранные $18 750 зависли на банковском счете Людмилы.

А теперь об остальных ваших добрых делах.

Оплачены: операции по поводу пороков сердца в Томском кардиоцентре Толе Власову (16 лет, 168 940 руб., Рязанская область), Саше Нечаеву (15 лет, 186 600 руб., Алтайский край), томичам Наташе Женунько (1 год, 186 600 руб.), Артему Ступину (2 года, 151 196 руб.), Алеше Зуеву (3 года, 186 600 руб.), Александре Никитенок (11 лет, 85 720 руб.), Ирине Пушкаревой (16 лет, 237 260 руб.), Даниле Гергету (1 год, 186 600 руб.); операции по поводу сколиоза новосибирцам Ирине Серовой (15 лет, 159 685 руб.), Даше Щигоревой (13 лет, 159 535 руб.), Юлии Колемасовой (32 года, 164 705 руб.), Ване Давыдкину (12 лет, 164 705 руб.), Насте Морозовой (14 лет, 164 705 руб.), а также Тане Шакировой (6 лет, 193 700 руб., Нижегородская область) и Надежде Ольховой (19 лет, 164 705 руб., Тюменская область); лечение в связи с детским церебральным параличом Мише и Андрею Агаджанянам (по 4 года, близнецы, 134 100 руб., Москва).

Отправлено: 164 300 руб. на мини-трактор с комплектующими (плуг, борона) многодетной семье Ермаковых в Брянскую область; 128 164 руб. на инвалидные коляски в Тульскую область Ольге Митрофановой и в Ставропольский край Елене Вихляевой; 123 600 руб. на лечение центральной нервной системы двухлетней москвичке Варе Геккер; 61 тыс. руб. в Краснодарский край на лечение 6-летнего Владика Шаповалова (спинно-мозговая грыжа); 33 670 руб. в Челябинскую область на компьютер с периферией 17-летнему сироте-инвалиду Денису Тотышеву; 22 тыс. руб. в Иркутскую область на покупку мебели в Свирскую городскую школу № 1; 6500 руб. на покупку одежды и пять вещевых посылок в Читинскую область многодетной семье Андреевых.

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США), Виктория от руководителя, фирма «Бэскит», Мурад, Игорь Эдуардович, Александра, Борис (все — Санкт-Петербург), Александр Александрович (Екатеринбург), Алина Алексеевна (Оренбург), ОСАО «Ингосстрах», российское представительство британского благотворительного фонда CAF- «Линия жизни», Общество китайского летчика, Андрей Сергеевич, Игорь, Марина Владимировна, два Евгения, Виталий, Владимир Владимирович, два Максима, две Елены, Катя, Павел, Светлана, Юрий Борисович, две Ольги, Анастасия, Дмитрий, Марат, три Ирины, две Екатерины, Николай, Александр Павлович, Марина, Надежда, два Вячеслава, Татьяна, две Натальи, Александр Семенович, Валентин Иванович, Александр (все — Москва). Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в ”Ъ“, журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $7,95 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; E-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны:(095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».